

Основные парадигмы понимания субъекта в языке и тексте

Гилязова О. С.

Исследование современных представлений о тексте совершенно не мыслимо без рассмотрения концепций авторского дискурса, взаимоотношений автора - персонажа - читателя, практик чтения и письма, специфики художественного творчества. Эти, крайне популярные в современном философствовании темы выросли из общей проблематики субъективности в языке, ставшей актуальной задолго до возникновения различных постмодернистских течений в философии и литературоведении.

Современная парадигма философии языка в отличие от предыдущих, определяет язык в соотношении именно с субъектом в более узком смысле - с человеческим «Я». Как известно, само понятие «субъект» имеет по крайней мере два значения: во-первых, познающий человек, противостоящий внешнему миру как объекту своего отношения, познания; и, во-вторых, как подлежащее, чьё содержание раскрывается в предикате. Второй смысл используют в конкретном лингвистическом анализе отдельных высказываний, нередко совпадающем с формально - логическим анализом в семиотике, неопозитивизме. Первый же смысл употребляют в семиотике культуры (например, Ю.С. Степанов, Ю.М. Лотман), и он является довольно традиционным в общепhilosophической лексике.

Первым, серьёзно разоблачившим привычную очевидность человека как субъекта и выявившим метафизические (с Нового времени) корни подобного понимания, был М. Хайдеггер. Именно понимание познающего, творящего человека как субъекта резко критикуется Хайдеггером, ибо является, по его мнению, следствием захвата человеком властного, доминирующего положения над всем остальным сущим для исчисления и практического использования. А мир в свою очередь как «картина мира» становится объектом потребления и производства человека. Но эти два процесса (превращение мира в картину, а человека в субъект) взаимопекрещиваются так, что чем объективнее становится мир, тем субъективнее становится субъект, теряющий в своей самовластности свою самостоятельность, человечность как таковую.

Декарт, по мысли Хайдеггера, наиболее полно выразил новоевропейское понимание субъекта (и человека как субъекта) в своей философии. Для него субъект - структура, а не просто подлежащее. Субъект и есть как таковое представляющее представление (включающее всю структуру субъект - объектных отношений). Для рефлексивной мысли Нового времени, объект оказывается не более чем предлогом, чтобы мысль субъекта мыслила лишь о себе. Новоевропейская метафизика замыкается в субъективности субъекта: мир, объект для неё - лишь одна из сторон субъективности (притом, утратившей человеческую наполненность), момент противостояния.

Хайдеггер полностью отказывается от оппозиции «субъект-объект», от доминирующей роли человека как субъекта (прежде всего в языке). Ибо, хотя «человек изображает себя так, словно он есть творец и хозяин языка, тогда как сам язык является господином человека...», ибо в собственном смысле говорит

язык. Человек говорит только лишь когда соответствует языку, внимает его призыву» [*Рорти Р.* Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // *Философия Мартина Хайдеггера и современность.* М., 1991. С. 132].

Преодоление представлений о доминирующей позиции человека как субъекта по отношению к языку через «гипостазирование языка» (по выражению Р. Рорти) - одна из парадигм, которую можно было бы условно назвать «антисубъектной». Она повторяется затем в структуралистских и постструктуралистских работах Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида и в ряде других, «антисубъектность» которых принимает различную форму, например, антиавторства («смерть Автора» Барта). А гипостазирование языка происходит через «гипостазирование» дискурсов различных социальных практик (у Барта, Фуко), связанных с языком, а также через гипостазирование текста, интертекстуальности (у Ж. Деррида, Ю. Кристевой).

Преодоление субъектности в её самозамкнутой целостности, идущей ещё с Нового времени, при сохранении субъекта как такового - вот вторая парадигма, которую можно было бы назвать парадигмой «саморазорванной субъектности». Гуссерль раньше Хайдеггера в «Картезианских размышлениях» пытался разорвать самозамкнутую целостность субъекта у Декарта. Гуссерль считает, что главный тезис Декарта: «Я мыслю, следовательно, я существую» самим актом говорения (мышления) подразумевает по крайней мере два субъекта, два «Я». Первое - то, что мыслит, «Я» данного высказывания, то есть эмпирическое «Я». Второе «Я», достигаемое только через феноменологическую редукцию, является «Я» акта данного высказывания. Здесь также можно выделить несколько (иногда весьма различных) подходов - от Э. Бенвениста и Ж. Лакана (который одновременно является основоположником и «антисубъектности» в языке, тексте) до позднего Фуко.

Данные парадигмы я выделяю условно, тем более, что в современном философствовании они довольно органично сочетаются, притом без свойственного ранним исследованиям в этом направлении радикализма, который в первой парадигме выражался, например, в следующем пассаже Барта: «говорит не автор, а сам язык как таковой» и для языка «субъекта (а не личности) определяемого внутри речевого акта и ничего не содержащего вне его, хватает, чтобы «вместить» в себя весь язык, чтобы исчерпать все его возможности» [*Барт Р.* Смерть Автора // *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 387]. А скриптор, к которому сводится Автор, и даже заменяется, рождается одновременно с текстом, у него нет никакого бытия до и вне письма.

Вторая же парадигма только обосновывала первую, т.к. не отказываясь от личности пишущего, она сводит его к способности выражать себя как «Я» в языке. Так для Э. Бенвениста, тот есть Я, кто говорит «Я». Человек для этого направления первичен по отношению к языку, но, тем не менее, сама «...«субъектность», рассматривать ли её с точки зрения феноменологии или психологии, как угодно, есть не что иное, как проявление в человеке

фундаментального свойства языка» [Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 294].

Первая парадигма задает движение в сторону текстуализации человеческой личности, вторая - определяет децентрацию человеческой личности. Совмещение этих парадигм наиболее существенным образом происходит у Лакана: именно он выдвинул идею, подхваченную и развитую постмодернистами, о принципиальной децентрации человеческого сознания (да и личности в целом) как проявления саморазорванной текстуальности человеческой субъектности. Последователи Лакана каждой выделенной им сфере человеческой психики подобрали определенный субъект: Реальному - говорящий субъект, Воображаемому - субъект высказывания, Символическому - субъект акта высказывания.

Субъект акта высказывания и субъект высказывания для традиционной семиотики - это воплощение реальной личности высказывающегося в языке, но новым моментом в лакановской теории является то, что субъект у него всегда «...полагается лишь лингвистически, само его порождение и существование предопределяется речью, дискурсом... вне языка человека быть не может» [Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С. 84]. Впрочем, выход к реальному индивиду, как и к внетекстовой (и внеязыковой) реальности интересует только тех, для кого личность автора и его окружение не имеют текстуальной природы, разделены несопоставимыми онтологическими гранями. Для постструктуралистов проблема выхода к некоей внетекстуальной, противостоящей тексту и отделённой от него, реальности даже и не встаёт, что предзадано спецификой их понимания текста и его исследования.

Таким образом, можно сделать вывод, что современные парадигмы понимания субъекта заключаются в критике традиционных представлений о субъекте и субъектности, идущей либо через полный пересмотр понятия «субъект», либо через отрицание его целостности. Одновременно разоблачается односторонность новоевропейской «гносеологизации» субъекта. Рассмотрение субъекта (который заменяется иными концептами) в философии и литературоведении смыкается не только с гносеологической проблематикой, но и с более широкими исследованиями личности, реальности, истории, сексуальности, культуры, а, значит, распространяется на область очень многих дисциплин: психоанализа, культурологии, истории, социологии и т.д. Следует признать, что исследование проблемы субъекта (или заменяющих его концептов) всё же ещё далеко до окончательного завершения.